

Николай Рубцов, известный и новый

(печатается в сокращении)

Морская лирика Рубцова — искренна и ритмична, метафорична и по-молодому восторженна, прямая и мужская по характеру. Но многими столичными критиками она или замалчивается, или низводится в разряд учебных упражнений молодого поэта.

На мой взгляд, это не так. И сейчас благодаря новым публикациям стихотворений это становится ясным. В них поэт раскован, свободен, задирист. В каждом наброске, в каждом сюжете, в каждой сценке талантливо и цепко схвачена сама жизнь. Порой грубовато, простовато, но ведь и в этом — правда и многоцветье жизни.

Между прочим, среди новых публикаций есть и своеобразный ответ Рубцова — очень по-сегодняшнему! — его критикам.

Все, что написано мной
Грубого, низкого, пошлого,
Я не считаю игрой
И пережитками прошлого.
Нет, не писал безрассудно я.
И говорю не напрасно:
Жизнь наша флотская трудная
Все же прекрасна!

(«Должен сказать»)

Итак, дополнение — морской Рубцов. Кто-то, разумеется, подумает: а не идет ли оценка от местничества, от землячества, от морских или мурманских привязанностей? Нет.

В стихах, вошедших в новое издание, не только море. Здесь представлено творчество молодого Рубцова — искреннего, прямого, звонкого. Всякий. В том числе — ироничный, озорной, дерзкий, даже малость хулиганящий (не без изящества и блеска!).

Он шутит:

Дышу натруженно,
 как pompa!
Дышу, осиливая грусть.
Лёжу, противный, будто бомба,
Не подходите — я взорвусь!

(«Дышу натруженно...»)

Он спорит:

Зачем же с вычурностью скучной
писать крикливым языком?
Пусть будет стих простым и звучным,
и чувство пусть клокочет в нем!
(«Явлений, дел, событий гряда...»)

Сентиментальничает (1957 год, городской романс только зарождается в современной литературе):

...Тёмный локон живописно падал
На ее чуть-чуть вспотевший лоб,
Голос томно-тихий,
 а во взглядах
Самых сильных чувств
 калейдоскоп!

От нее не вяло притоном,
Улыбался
детской формы рот...
Пел солист красивым баритоном,
Джаз играл волнующий фокстрот.

(«Знакомство»)

Он ерничает, почти издевается, обнаруживает зрелый вкус в народной поэтике:

Вот возьму и стану метким!
Или опрометчивым.
И однажды
В дом к соседке
Вдруг нагряну вечером!
.....
Загуляет под
Бандуру
Все село угрюмое...
Голова моя —
Не дура:
Что-нибудь да
Думает!

(«Вот возьму и стану метким...»)

Он уже порою наполняется такой потрясающей мерой человечности, что способен поэтизировать любой материал. Как в стихотворении «Уборщица рабочего общежития»:

Пришла, прошла по туалету,
Стара, болезненно-бледна.
Нигде глазам отрады нету,
Как будто здесь была война!
Опять какая-то зараза
Сходила мимо унитаза!
Окурки, пробки, грязь... О, Боже,
За что казнишь меня, за что же!
В ребятах тоже
нет веселья!
Улыбки сонно ей даря,
Еще качаются с похмелья,
Отметив праздник Октября!

Он, юноша, не думая о цензуре, не о печатании думая, а дыша живой жизнью и мыслью, задает себе вопросы самые острые, самые страшные, самые тяжкие, которые тогда не ставили так называемые известные поэты:

Неужели

одна суета

Был мятеж героических сил

И забвением рухнут леса

На сиротские звезды могил?

Сталин что-то по пьянке сказал —

И раздался винтовочный залп!

Сталин что-то с похмелья сказал —

Гимны пел митингующий зал!..

Сталин умер. Его уже нет.

Что же делать — себе говорю, —

Чтоб над родиной жидкий рассвет

Стал похож на большую зарю?

Я пойду по угрюмой тропе,

Чтоб запомнить рыданье пурги

И рожденные в долгой борьбе

Сиротливые звезды могил...

(«На кладбище»)

Согласитесь, этот молодой Рубцов — поэт интересный, темпераментный, думающий, увлекающий. Настоящий. Он отличается от более позднего, широко известного, то элегического, то эпического, главного Рубцова. Но он, более ранний, не хуже себя более позднего. Он просто молодой Рубцов, настоящий поэт.

А в целом сегодня, с новыми, более расширенными публикациями, поэт Николай Рубцов для нас в самом деле в чем-то и новый.

Советский Мурман. — Мурманск. — 1993. — 21 мая.